

В.Б. ЗВОНОВСКИЙ¹, А.В. ХОДЫКИН², А.В. РАСКЕВИЧ¹

¹ Самарский государственный экономический университет.

443090, Самара, ул. Советской Армии, д. 141.

² Фонд социальных исследований.

443041, Самара, ул. Красноармейская, д. 70.

ПРИЧИНЫ ДОСРОЧНОГО ПРЕКРАЩЕНИЯ ИНТЕРВЬЮ ПО ИНИЦИАТИВЕ РЕСПОНДЕНТА В МАССОВЫХ ВСЕРОССИЙСКИХ ОПРОСАХ НА ТЕМУ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Аннотация. Прерванные интервью снижают кооперацию респондентов и могут приводить к систематическим смещениям выборок, что ставит под вопрос репрезентативность полученных опросных данных. Сенситивные темы опросов, такие как обсуждение российско-украинского конфликта, могут побуждать респондентов чаще прекращать разговор о них. Поэтому исследовать прерванные интервью в таких опросах особенно важно. Цель данной статьи — выявить и описать причины прерываний интервью в опросах про военные действия на Украине.

Методы исследования: контент-анализ аудиозаписей интервью с респондентами и традиционный качественный анализ документов, а именно аудиозаписей интервью с респондентами, досрочно прервавшими опрос. Количественное исследование (контент-анализ) аудиозаписей интервью позволяет измерить распространенность причин прерывания опроса респондентами, а их качественный анализ дает материалы для описания нарративов, стоящих за этими причинами. Выборка двухступенчатая. На первом этапе выборка случайная, стратифицированная по федеральным округам. Она репрезентирует население России по полу, возрасту и федеральным округам проживания. В ходе первого этапа выборка составила 2507 интервью, среди них прерванных интервью 888. На втором этапе выборка сплошная, сформированная методом основного массива: из 888 прерванных интервью прослушано 538.

По итогам исследования получены следующие основные результаты. Причины прерывания интервью разделены на устранимые и неустраимые. Каждая из этих групп причин классифицирована на конкретные виды причин прерываний. Соотношение устранимых и неустраимых причин в прослушанной выборке составило 68 : 470, или 13% : 87%, то есть потенциал к сокращению числа прерываний довольно невелик. Стоит особо отметить влияние длины вопросов и анкеты в целом на количество прерываний интервью: чем длиннее анкета и ее вопросы, тем больше случается прерываний. Поэтому лаконичность формулировок вопросов (сокращение их длины, избегание табличных вопросов в телефонных опросах, уменьшение числа вариантов в номинальных шкалах), сокращение длины анкеты до 10 мин и работа с эмоциональным выгоранием интервьюеров позволят сократить число прерванных интервью. Сенситивность военно-политической тематики тоже увеличивает число

прерываний, однако удовлетворительный способ решить эту проблему найти пока не получается. В силах исследователей — только минимизировать число военно-политических вопросов в анкете, формулировать их в наиболее комфортном для респондентов виде (гипотетически, с возможностью отказа и т. п.) и «разбавлять» анкету менее сенситивными темами.

Ключевые слова: спецоперация; российско-украинский конфликт; прерванные интервью; телефонные опросы; кооперация респондентов.

Для цитирования: *Звоновский В.Б., Ходыкин А.В., Раскевич А.В.* Причины досрочного прекращения интервью по инициативе респондента в массовых всероссийских опросах на тему российско-украинского конфликта // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 3. С. 31–60. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.2 EDN: GRNKMY

Введение

В последние годы социологические исследования политических тем все чаще проводятся методом телефонного опроса (Computer Assisted Telephone Interviewing, CATI), который требует меньше финансовых затрат по сравнению с опросами face-to-face и позволяет достигать репрезентативности выборок. ВЦИОМ, Russian Field, исследовательская группа «Хроники» и другие опросные организации чаще всего изучают политические темы методом телефонных опросов. В то же время не все участники таких опросов проходят их до конца: отказы и прерывания респондентами интервью создают проблему самоотбора респондентов — ситуации, когда успешно прошедшие опрос респонденты значительно отличаются по измеримым признакам от тех, кто его по тем или иным причинам не прошел (отказавшиеся и прервавшие интервью). Несмотря на то что количество прерванных интервью всегда на порядок меньше числа отказов, прерывания респондентами интервью также могут привести к систематическим смещениям выборок. Причем такие смещения не поддаются контролю со стороны исследователя [14]. Кроме того, концентрация прерываний на определенных темах или вопросах является признаком либо неприемлемости для респондентов данных тем, либо неудачной их операционализации в предлагаемых в анкете вопросных формах. Поэтому изучение причин досрочных прекращений интервью респондентами важно для повышения репрезентативности выборок и совершенствования опросных инструментариев.

Несмотря на то что телефонные опросы долгое время вызывали скептицизм отечественного социологического сообщества и широкое распространение в России получили относительно недавно, в научной литературе сформирован корпус текстов о проблеме прерываний респондентами интервью в массовых политических опросах. Наибольшую известность получили исследования Д.М. Рогозина и его коллег. В своей книге «Стандартизированное (телефонное) интервью» Д.М. Рогозин, А.А. Ипатова и Н.И. Галиева среди прочего исследуют срывы коммуникации из-за сенситивности тем и формулировок вопросов, что, в свою оче-

редь, приводит к прерыванию интервью. Также к причинам прерывания ими отнесены ситуации, когда респондент проходит опрос в окружении третьих лиц, которые могут влиять на его ответы и решение продолжить интервью, но их наличие нелегко контролировать в условиях телефонного опроса. Непонимание респондентами формулировок вопросов и нарушение коммуникации между интервьюером и респондентом, когда первый «не слышит» запросов второго, тоже могут приводить к досрочному прекращению интервью, как и неверные объяснения процедуры и правил интервью, предоставление респонденту недостоверной информации об исследовании [11]. Е.В. Вьюговская, Д.М. Rogozin и Д.И. Сапонов на основании результатов каскадного анализа завершенных и прерванных интервью выделили ретроспективный, текущий и проспективный типы прерываний. Ретроспективные прерывания вызваны накопительным эффектом негативного отношения к предыдущим вопросам: когда респонденту надоедает отвечать на сложные, чувствительные или неинтересные вопросы, у него заканчивается терпение, и он бросает трубку. Текущие прерывания вызваны негативным восприятием конкретного вопроса, неприемлемость которого для респондента вынуждает его прервать интервью. Проспективные прерывания вызваны негативными ожиданиями от дальнейших вопросов анкеты: респондент, столкнувшись со сложными, вызывающими дискомфорт или неактуальными для него вопросами, решает прекратить интервью, поскольку ожидает, что и дальнейшие вопросы будут примерно такими же [2].

К.М. Мануильская на основании анализа прерванных интервью классифицировала мотивы их досрочного прекращения на временной и тематической, а также выделила внезапно прерванное интервью. К временным она отнесла прерывания из-за неудобного для респондента времени опроса или затянувшегося по времени интервью (когда у респондента появляются неотложные рабочие дела или он уже устал отвечать на вопросы). Тематический мотив связан как с конкретными вопросами, так и с общей тематикой интервью: чувствительные и сложно сформулированные вопросы чаще остальных приводят к прерываниям. Внезапно прерванные интервью — это такие интервью, при прослушивании которых не удалось выявить причину их досрочного прекращения [9].

Конверсационный анализ взаимодействия интервьюера и респондента в ситуации массового телефонного политического опроса, проведенный А.В. Турчик, показывает разницу коммуникационных стратегий интервьюера, придерживающегося четкой инструкции, и респондента, воспринимающего интервью в качестве разговора на обозначенную тему. В результате происходит «конфликт речевых жанров: жанра интервью как формы институционализированного разговора и разговорного жанра как такового» [12, с. 152]. При этом использование табличных вопросов в телефонных интервью в наибольшей степени угрожает досрочным прекращением опроса, поскольку сильнее всего отдаляют институционализированную процедуру опроса от разговорного жанра ответов, предпочитаемого респондентами.

Последние полтора-два десятилетия социологи отмечают проблему снижения доверия к опросам и, как следствие, мотивации к их прохождению. Т.А. Галкин и Т.З. Протасенко показывают, что уровень доверия респондентов падает в связи с усталостью населения от опросов и отсутствия влияния результатов исследований на принятие управленческих решений [3]. Это характерно как для отечественной, так и для зарубежной социологии. Тенденция такова, что опросов на политическую тематику проводится довольно много, а видимого положительного влияния на жизнь респондентов они не оказывают, в результате чего мотивация отвечать социологам у людей снижается [13]. В России такая тенденция обостряется из-за негативного опыта опросов 1990-х гг. В те времена исследователи столкнулись с двумя благоприятными для проведения опросов явлениями. С одной стороны, вынужденное молчание в советское время порождало у людей желание высказаться, а с другой — постсоветский человек воспринимал социологов как представителей власти и использовал участие в опросах как способ рассказать властям о своих проблемах. Сочетание этих двух явлений вызвало в 1990-е гг. резкий рост мотивации участвовать в опросах. Однако уже к началу 2000-х гг. россияне поняли, что решить проблемы с помощью социологов у них не получается, а желание высказаться постепенно удовлетворилось в условиях свободы слова 1990-х гг. и стало неуклонно снижаться. В результате желание разговаривать с социологами уже в 2000-е гг. значительно снизилось [1]. И.В. Задорин еще в 2012 г. отмечал снижение доверия к опросам общественного мнения в России, выделяя две основные причины такой ситуации: недостоверность/неполнота информации об исследованиях и их авторах и дискредитация исследователей как мимикрирующих под них и дискредитирующих их акторами (телефонное мошенничество, продажи, реклама и т. п.), так и политическими манипуляциями опросными данными [4]. Недоверие, в свою очередь, часто приводит к прерыванию респондентами интервью (это показано при анализе эмпирических данных).

Несмотря на довольно подробную разработанность темы прерываний интервью в массовых телефонных опросах на политическую тематику в корпусе исследований, проведенных на российских опросных данных, почти отсутствуют исследования прерываний интервью респондентами телефонных опросов, проведенных после начала острой фазы российско-украинского конфликта, который значительно повлиял на политическую ситуацию в России и, соответственно, способен повлиять на мотивацию респондентов участвовать в политических опросах в целом и в опросах на военно-политическую тематику в частности. К редким исключениям можно отнести результаты прослушивания аналитиками Russian Field ответов респондентов на проведенные компанией опросы россиян о военных действиях на Украине¹. Однако эти исследования на-

¹ «Не хочу, и точка». С какими интонациями респонденты отказываются от участия в опросе? // Russian Field. — URL: <https://russianfield.com/snovaotkazki> (дата обращения: 30.06.2024); Опасаетесь ли Вы при-

правлены, скорее, на изучение причин более распространенных отказов, а тема причин прерываний интервью в телефонных опросах на политическую тематику недостаточно раскрыта. Что касается распространенности прерываний интервью, то каскадный анализ прерванных и успешных интервью, проведенный авторами статьи с февраля 2022 г. на материалах более 30 опросов на тему специальной военной операции на Украине на всероссийских выборках, показывает, что доля прерванных от общего количества интервью колеблется в диапазоне от 25 до 38% и зависит от длины анкеты. Несмотря на то что этот уровень относительно невысок и не сильно влияет на кооперацию респондентов², потенциально он может привести к значимым смещениям результатов опросов [5].

Методология исследования

Исследование проведено в два этапа.

Первый этап. Метод: телефонный опрос (САП) на тему отношения россиян к военному противостоянию с Украиной, проведенный с 24 по 29 января 2024 г. исследовательской компанией «Хроники»³. N = 1619 успешных и 888 прерванных интервью. Выборка стратифицирована по федеральным округам. Ошибка выборки не превышает 2,31% при уровне значимости 95%. Базы контактов сгенерированы случайным образом на основании диапазонов, выдаваемых Минцифры РФ операторам мобильной связи на 2022 г. Опрос проводился только по мобильным номерам, поскольку покрытие населения мобильной связью в России на сегодняшний день почти сплошное, что побудило исследовательские компании (ВЦИОМ, Russian Field, ExtreamScan, Фонд социальных исследований и др.) отказаться от использования стационарных номеров в телефонных опросах. На каждый номер сделано от трех до пяти попыток контакта (за исключением получивших конечный код достижимости за меньшее число попыток) в разное время суток (с 10:00 до 22:00) с интервалом между звонками не менее 4 ч. Всего было проведено более 500 тыс. автоматических дозвонков.

Второй этап. Методы: контент-анализ аудиозаписей интервью с респондентами и качественный анализ документов, а именно аудио-

нимать участие в опросах? // Russian Field. — URL: <https://russianfield.com/strashnievoprosy> (дата обращения: 30.06.2024); Доклад Екатерины Нойкиной на XIII Грушинской конференции. — URL: <https://conf.wciom.ru/program2023/section/?uid=24> (дата обращения: 30.06.2024).

² Под кооперацией респондентов здесь мы понимаем отношение числа успешно завершенных интервью к сумме успешно завершенных и незавершенных интервью с прошедшими отбор респондентами. Этот показатель (коэффициент кооперации COOP1) измеряется в соответствии с профессиональным стандартом AAPOR и свидетельствует о готовности респондентов участвовать в опросах и проходить их до конца

³ Авторы благодарят компанию «Хроники» (<https://www.chronicles.report>) за любезно предоставленные аудиозаписи для прослушивания.

записей интервью с респондентами, досрочно прервавшими опрос. Количественное исследование (контент-анализ) позволяет измерить распространенность причин прерывания респондентами интервью, а качественный анализ аудиозаписей интервью дает материалы для описания нарративов, стоящих за этими причинами прерывания опроса.

Выборка двухступенчатая:

1) на первом этапе выборка случайная, стратифицированная по федеральным округам. Она репрезентирует население России по полу, возрасту и федеральным округам проживания респондентов. По перечисленным параметрам проведен ремонт выборки, весовые коэффициенты рассчитаны на основе данных Росстата на 1 января 2023 г. В ходе первого этапа выборка составила 2507 интервью, среди них прерванных интервью 888;

2) на втором этапе выборка сплошная, сформированная методом основного массива. Отнести выборку к такому типу можно, поскольку число прослушанных интервью составляет значительно больше половины объема всей генеральной совокупности аудиозаписей прерванных интервью: из 888 прерванных интервью прослушано 538. Это число не выбиралось специально, оно достигнуто исходя из имевшихся у авторов ресурсов.

Анализируемый в данной работе опрос довольно типичен для исследований российско-украинского конфликта и по тематическому развороту, и по структуре анкеты. Отличается он от подобных ему только большей длиной анкеты (обычно ее заполнение не превышает 10–15 мин), что позволяет получить расширенное разнообразие прерываний ввиду большего числа вопросов. В то же время нам кажется особо ценным проанализировать именно типичный опрос, поскольку за время проведения специальной военной операции такие телефонные опросы проводили многие компании, однако в научной литературе по-прежнему остро не хватает подробного анализа аудиозаписей прерванных интервью с целью понять причины нежелания или невозможности респондентов продолжать опросы на военно-политическую тематику.

Структура анкеты

Анкета исследуемого опроса составлена из 7 блоков, содержащих в сумме 41 вопрос, три из которых заданы 1/3 выборки (E2.1–E2.3) и еще два (U8a–U8b) — 1/2 выборки, то есть выборка случайным образом разделена на равные части, и каждый из этих вопросов задан респондентам одной из них. Средняя длина успешного интервью составила 16 мин 7 с, то есть анкета оказалась довольно длинной, что могло увеличить число прерванных интервью. Если предположить, что прерывания респондентами опроса не зависят от специфики задаваемых вопросов, то вероятность прерывания интервью от вопроса к вопросу будет расти относительно равномерно без резких скачков или плато. Однако это совсем не так — вопросы кратно различаются по количеству прерываний на них интервью. Таким образом, можно утверждать, что на вероятность прерывания респондентами интервью значительно влияет специфика вопросов (табл. 1).

Таблица 1

Вопросы анкеты и число прерванных на них интервью*

Номер вопроса	Формулировка вопроса	Количество прерываний	Средняя длина вопроса (с)
A3	Если Вы гражданин России, то в какой области, крае или республике Вы проживаете постоянно последние полгода?	0	17,9
A4	Какой ОСНОВНОЙ род занятий у Вас в настоящее время?	23	25,52
A5	Какой у Вас наивысший уровень образования, подтвержденный дипломом, аттестатом?	28	12,94
A6	Какое из перечисленных описаний точнее всего соответствует материальному положению Вашей семьи?	20	45,9
A7	Скажите, пожалуйста, за последний год доходы Вашей семьи увеличились, уменьшились или в целом не изменились?	33	14,09
A8	Вы проживаете в городе, поселке городского типа или селе?	23	8,3
A9a	<i>(Для жителей городов)</i> В каком городе Вы живете?	34	8,61
A9b	<i>(Для жителей сел и ПГТ)</i> В каком районе Вы живете?	31	18,41
A10	К какой национальности Вы себя относите?	10	9,07
N1	Скажите, пожалуйста, последние полгода как часто Вы смотрели новости по телевизору?	25	17,83
N2	Последние полгода как часто Вы читали или смотрели новости в Интернете?	24	16,84
N3	Вы используете или не используете ви-пи-эн (VPN)?	20	9,44
N4	Из каких источников Вы получаете информацию о военной операции России на территории Украины? <i>(Множественный выбор)</i>	52	36,79
N5	Вы получаете информацию о спецоперации только из российских источников, из других источников или из российских, и из других источников?	24	15,08
N6	Вы что-то слышали о следующих событиях в России и за рубежом, и если слышали, то важны они для Вас или не важны? <i>(табличный вопрос)</i>	90	72,94
U1	Скажите, пожалуйста, Вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины? Затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?	31	16,99
U2a	<i>(Для сторонников СВО)</i> Как Вы относитесь к тем жителям России, которые НЕ поддерживают спецоперацию?	27	16,14
U2b	<i>(Для противников СВО)</i> Как Вы относитесь к тем жителям России, которые поддерживают спецоперацию?	17	15,27
U3	Вы лично или кто-то из Вашей семьи участвуете или участвовали в военных действиях в рамках спецоперации на территории Украины?	35	15,84

Продолжение таблицы 1

Номер вопроса	Формулировка вопроса	Количество прерываний	Средняя длина вопроса (с)
U4	Если Владимир Путин решит вывести российские войска с территории Украины и начнет переговоры о перемирии, НЕ достигнув поставленных целей спецоперации, Вы поддержите или не поддержите такое решение?	16	22,24
U5	Как Вы считаете, какая доля россиян поддержит решение Владимира Путина вывести войска? Дайте, пожалуйста, ответ в процентах, числом.	24	23,2
U6	ОДНИ полагают, что необходимо провести новую мобилизацию, чтобы заменить мобилизованных осенью 2022 г. ВТОРЫЕ — что нужно оставить все как есть. ТРЕТЬИ — что нужно вернуть мобилизованных домой, не проводя новую мобилизацию. Какая точка зрения Вам ближе?	65	35,87
U7	Как Вы считаете, за последний месяц ситуация в зоне военной операции изменилась в пользу России, в пользу Украины или ситуация за последний месяц не изменилась? (Задается 1/2 респондентов)	11	18,01
U8a	Одни полагают, что можно вернуть Украине присоединенные территории в обмен на предоставление России гарантий безопасности. Другие считают, что присоединенные к России территории возвращать нельзя. Какая из этих точек зрения ближе лично Вам? (Задается 1/2 респондентов)	19	23,75
U8b	Одни полагают, что присоединенные к России территории возвращать нельзя. Другие считают, что можно их вернуть Украине в обмен на предоставление России гарантий безопасности. Какая из этих точек зрения ближе лично Вам?	19	26,96
U9	Вы понимаете или не понимаете, какова конечная цель спецоперации на территории Украины?	30	14,66
U10	(Для тех, кто понимает цель СВО) Как Вы считаете, какова конечная цель спецоперации? (Открытый вопрос)	19	36,9
M1	За последний год Ваше материальное положение улучшилось, ухудшилось или в целом не изменилось?	11	13,21
M2	Как Вы полагаете, в ближайший год Ваше материальное положение улучшится, ухудшится или не изменится?	1	13,82
M3	На материальное положение Вашей семьи санкции, введенные против России, оказали или не оказали влияния? И если оказали, то положительное или отрицательное?	12	17,43
M4	На Ваш взгляд, куда следует расходовать государственные средства в первую очередь — на Вооруженные силы или на социальную сферу, включая пенсии, здравоохранение и образование?	8	22,98

Окончание таблицы 1

Номер вопроса	Формулировка вопроса	Количество прерываний	Средняя длина вопроса (с)
S1	За последние месяцы жизнь в Вашем населенном пункте в целом стала безопаснее, более опасной или ничего не изменилось?	5	15,78
E1	В марте в России пройдут выборы президента страны. Как Вы полагаете, после выборов президента России Ваша жизнь изменится в лучшую сторону, в худшую или заметных изменений после выборов не будет? (<i>Задается 1/3 респондентов</i>)	5	20,74
E2.1	Если выборы Президента России выиграет Владимир Путин, какие из перечисленных событий, на Ваш взгляд, произойдут в ближайший год? (<i>Множественный выбор</i>)	23	86,04
E2.2	(<i>Задается 1/3 респондентов</i>) Если выборы Президента России выиграет идеальный для Вас кандидат, какие из перечисленных событий, на Ваш взгляд, произойдут в ближайший год? (<i>Множественный выбор</i>)	21	93,51
E2.3	(<i>Задается 1/3 респондентов</i>) Какие из перечисленных событий Вы бы хотели, чтобы произошли в ближайший год? (<i>Множественный выбор</i>)	8	84,89
E3	Вы планируете или не планируете голосовать на выборах Президента России в марте этого года? (<i>Для тех, кто планирует голосовать</i>)	11	10,29
E4	Если Вы примете участие в выборах Президента России, то за кого из перечисленных кандидатов проголосуете?	13	30,5
E6	Как Вы полагаете, на выборах Президента России среди Ваших родственников, близких друзей большинство проголосуют за Владимира Путина, за другого кандидата или не станут принимать участие в выборах?	4	18,91
X1	Вы осуждаете или не осуждаете тех, кто уехал из России после начала СВО и не вернулся обратно?	7	14,48
X2	Одни люди относятся к россиянам, которые уклоняются от участия в СВО, с осуждением. Другие относятся к ним с пониманием. Какая позиция Вам ближе?	9	19,19

* Вопросы даны в том порядке, в каком они представлены в анкете, количество прерываний рассчитано по всему массиву прерванных интервью, а не только среди прослушанных.

Влияние особенностей анкеты и ее вопросов на прерывание интервью

Проанализируем распределение прерываний интервью по вопросам. Больше всего прерываний интервью пришлось на вопрос №6 про важность для респондента российских и мировых событий (90). Это самый длинный (72,94 с) после вопросов E2.1–E2.3 и единственный

табличный вопрос, поэтому отвечать на него респондентам было сложнее. Таким образом, наши данные подтверждают результаты исследований А.В. Турчик, показавших наибольшую прерываемость табличных вопросов [12]. На втором месте по количеству прерываний вопрос У6 про мобилизацию (65), не выделяющийся особой длиной (35,87 с), но с довольно длинной вопросной формулировкой. Поэтому наиболее вероятное объяснение его прерываемости состоит в сочетании длины формулировки вопроса с чувствительностью обсуждаемой в нем темы. Третье место по количеству прерываний разделили вопросы Е2.1–Е2.3, каждый из которых задавался 1/3 респондентов, а в сумме они собрали 52 прерывания. Это самые длинные вопросы в анкете — почти по полторы минуты каждый, чем и объясняется большое число прекращений интервью на них. Таким образом, длина вопроса, сложность его формулировки и чувствительность темы в наибольшей степени побуждают респондентов досрочно прекращать опрос. Тем самым подтверждается вывод К.М. Мануильской о том, что чувствительные и сложные вопросы чаще приводят к прерываниям [9].

Респонденты прерывают интервью по разным причинам. Одни из них исследователи могут устранить (длина анкеты, формулировки вопросов, уровень эмпатии интервьюера и т. п.), другие же без ущерба для достижения цели исследования устранить не получится (темы вопросов, занятость респондентов, качество связи и т. п.). Поэтому, чтобы понять, как можно снизить долю прерванных интервью, разделим все причины прерываний на устранимые и неустранимые. К первым отнесем те причины, которые можно устранить в ходе организации и проведения полевых работ или составления анкеты. Ко вторым — те, на которые не может повлиять ни интервьюер, ни исследовательская группа в целом.

Неустранимые причины досрочного прерывания интервью

Рассмотрим неустранимые причины досрочного прекращения интервью. Из 538 прослушанных прерванных интервью по неустранимым причинам завершилось подавляющее большинство — 470 (87%). Выделим 4 основные группы таких причин:

1) занятость респондента, из-за которой он не может продолжать интервью. Сюда относятся все причины, когда респонденту во время интервью стало некогда или некомфортно отвечать на вопросы (появились дела на работе, проснулся ребенок, кто-то из третьих лиц мешает проходить опрос, нужно ехать по делам, а анкета еще не закончена и т. п.). В интервью эта группа причин проявляется словами «извините, мне сейчас некогда», «не могу больше говорить», «мне работать надо — не могу с Вами так долго разговаривать», предшествующими прерыванию репликами на заднем фоне, плачем ребенка и т. п.;

2) неактуальность темы для респондента. К этой причине отнесены все ситуации, когда респонденту неинтересны обсуждаемые

вопросы или он признается, что плохо разбирается в них. Кодировается по ответам: «я ничего в этом не понимаю», «меня не интересуют эти события», «откуда я знаю?» и т. п. В эту же группу попадают и часто затруднявшиеся ответить участники опроса. По инструкции, если респондент 4 раза подряд на разные вопросы затрудняется ответить и/или отказывается отвечать, интервьюер должен прекратить его опрашивать, поскольку ценность содержательной части такого интервью невелика из-за слабой информированности респондента в теме опроса или нежелания ее обсуждать;

3) нежелание респондента обсуждать тему опроса. Включает различные варианты критики вопроса и его темы, артикуляции неготовности говорить на предлагаемые темы, все проявления подозрительности в отношении намерений организаторов опроса. Проявляется в ответах: «а у Вас все вопросы про политику?», «не хочу об этом говорить», «как такие вопросы можно задавать сейчас?», «а зачем Вам это знать?» и т. п.;

4) технические неполадки. К ним отнесены все технические трудности на стороне респондента: плохая связь, посторонние шумы, шипение, резкий обрыв связи, которому не предшествовали никакие признаки неготовности респондента отвечать на вопросы анкеты.

В отдельную группу выделены «другие причины». К ним отнесены те, которые не попадают в представленную классификацию, и случаи, когда причину прерывания выяснить не представляется возможным.

Распространенность неустранимых причин прерывания интервью представлена в таблице 2, где приведено количество прерываний интервью, случившихся по каждой из неустранимых причин, в каждом блоке вопросов. Все вопросы анкеты разделены на 7 блоков, они обозначены латинской буквой перед номером вопроса из таблицы 1. Вопросы каждого блока объединены общей темой. Поскольку количество вопросов в блоках разное, сравнивать блоки по количеству прерванных интервью в них некорректно. Однако можно сравнивать распределения причин прерываний, случившихся в каждом из блоков, как и общее распределение числа прерванных интервью по всей анкете.

Чуть больше половины прерываний по неустранимым причинам (52%) произошло из-за технических неполадок, это самая распространенная причина досрочных прекращений интервью (табл. 2). Еще 11% прерываний связаны с занятостью респондента. Таким образом, почти две трети прерываний в сумме (63%) не связаны с темой опроса, тогда как с тематикой опроса связано каждое третье прерванное по неустранимым причинам интервью (в сумме 33%: 29% — нежелание обсуждать тему и 4% — ее неактуальность для респондента). Иными словами, тема опроса оказывает существенное, но не основное влияние на количество прерываемых интервью. По другим причинам прервалось относительно немного анкет (4%), то есть предложенная нами классификация раскрывает большинство неустранимых причин прерываний опроса.

Таблица 2

Причины прерываний интервью по блокам анкеты

Тема блока	Причина прерываний интервью					Итого
	занятость	неактуальность темы для респондента	нежелание обсуждать тему	технические неполадки	другое	
U (СВО)	22	16	40	91	6	175
N (источники новостей)	15	2	45	61	6	129
A (социально-демографические вопросы)	5	1	43	26	3	78
E (выборы)	5	1	9	36	1	52
M (экономика)	1		1	26		28
X (отношение к уклоняющимся)	2			5		7
S (насилие)					1	1
Итого	50 (11%)	20 (4%)	138 (29%)	245 (52%)	17 (4%)	470 (100%)

Анализируя различия между блоками, отметим, что большим количеством прерванных интервью из-за темы исследования предсказуемо выделяется блок вопросов про отношение к российско-украинскому конфликту: 16 прерываний из-за неактуальности темы опроса и 40 — из-за нежелания ее обсуждать. Много было не пожелавших обсуждать источники политической информации (45) и отвечать на социально-демографические вопросы (43). В последнем случае прерывания вызваны опасением респондентов по поводу сохранения конфиденциальности своих данных. Таким образом, артикулированная И.В. Задориным проблема недоверия к социологам [4], снижающая мотивацию участвовать в опросах, действительно, имеет место и подтверждается эмпирически.

Описание неустранимых причин прерывания опроса на примерах из прослушанных интервью

Проанализируем подробнее диалоги из интервью, прервавшихся по тем или иным неустранимым причинам.

К занятости респондента отнесены такие ситуации, где он столкнулся с обстоятельствами, на которые не может повлиять. Например, во время прохождения интервью у одной из респонденток заплакал грудной ребенок, поэтому продолжить опрос не удалось.

- *Вы понимаете или не понимаете, какова конечная цель спецоперации на территории Украины?*
- *Понимаю [начинает плакать ребенок].*

- *Как Вы считаете, какова конечная цель спецоперации? Назовите ее.*
- *Затрудняюсь.*
- *Вам удобно сейчас говорить? А то слышу: ребенок плачет.*
- *Давайте закончим.*
- *Может быть, перенесем интервью? Мы перезвоним Вам чуть позже.*
- *Не думаю, что мне будет удобно позже.*
- *Ну, хорошо, извините за беспокойство. Всего доброго, до свидания.*

Звонок завершился.
В данном случае респондентка пыталась одновременно заниматься ребенком и проходить интервью, но не смогла этого сделать, и она вынуждена была прекратить опрос.

В эту же группу причин попали ситуации, связанные со здоровьем респондента, например, когда человек рассчитывал, что сможет пройти анкету полностью, но состояние здоровья все же не позволило.

- *Вы понимаете или не понимаете, какова конечная цель спецоперации на территории Украины?*
- *Ну, в принципе, да, понимаю. Почему не понимаю?*
- *Как Вы считаете, какова конечная цель спецоперации? Открытый вопрос, ответьте своими словами.*
- *Прекратить. Зеленского убрать оттуда и прекратить все военные действия, чтобы украинцев оставили в покое. Давайте заканчивать, я в больнице лежу после операции, мне сказали — это на 5 секунд.*
- *Я не сказала «на 5 секунд», я сказала «на некоторое время».*
- *Все, давайте заканчивать.*
- *Все, поняла Вас.*

Звонок завершился.

Здесь пожилой респондент надеялся, что сможет пройти опрос, но столкнулся с открытым вопросом, в котором надо формулировать ответ своими словами. Это довольно трудно, особенно в ситуации проблем со здоровьем.

Также случаются ситуации, когда респонденты не смогли правильно рассчитать время, которое необходимо им на прохождение опроса.

- *Как Вы считаете, какая доля россиян поддержит решение Владимира Путина вывести войска? Дайте, пожалуйста, ответ в процентах, числом.*
- *Девушка, подскажите, пожалуйста, еще много вопросов? Просто мне нужно отвезить ребенка в школу, и я думала, что это недолго будет.*
- *Ну, минуты три-четыре.*

– Нет, простите, дальше я не могу отвечать, опаздываем.

– До свидания.

Звонок завершился.

В данном примере респондентка рассчитывала, что успеет пройти интервью быстрее, но оно затянулось, что вынудило ее прервать опрос. Увеличению числа таких причин способствует и довольно большая длительность опроса — в среднем около 16 мин. Это повышает вероятность возникновения у людей неотложных дел, или они могут неправильно рассчитать время для прохождения опроса, несмотря на предупреждение о длительности интервью в приветственном слове.

Неинформированность респондента о теме исследования или ее неактуальность для него часто включает ситуации, когда респондент, ощущая себя некомпетентным в данной теме, отвечает на 4 вопроса подряд «затрудняюсь ответить».

– Как Вы считаете, за последний месяц ситуация в зоне военной операции изменилась в пользу России, в пользу Украины или ситуация за последний месяц не изменилась?

– Не понял я, еще раз.

– Как Вы считаете, за последний месяц ситуация в зоне военной операции изменилась в пользу России, в пользу Украины или ситуация за последний месяц не изменилась?

– Даже не знаю, честно не знаю, не могу я на это ответить.

– Спасибо Вам за Ваши ответы. Всего Вам доброго, до свидания.

Интервьюер прервал опрос из-за того, что респондент затруднялся ответить на многие вопросы и продолжение опроса представлялось нецелесообразным в силу неинформированности респондента по исследуемой теме. В данном случае респондент пытался вникнуть в суть вопроса и дать ответ, но почувствовал неловкость, не сумев ответить.

Некоторые респонденты начинают критиковать кажущуюся им неинтересной тему вопроса.

– Вы что-то слышали о следующих событиях в России и за рубежом, и если слышали, то важны они для Вас или не важны? Обстрелы Белгорода и других населенных пунктов со стороны Украины. Слышали или не слышали?

– Нет, не слышала.

– Такое не слышали. Конфликт в Израиле и Секторе Газа — такое слышали событие?

– Нет. Если дальнейшие вопросы будут про эту [ненормативное слово], то я кладу трубку, мне дальше неинтересно отвечать.

– Я не знаю, что Вы [ненормативное слово] считаете.

– Ну, вот это вот — то, что Вы спрашиваете про войну. Вот это вообще муть какая-то. До свидания.

Звонок прервали.

В данном случае респондентка, столкнувшись с блоком вопросов о военно-политических событиях, не захотела на них отвечать, высказав отсутствие интереса к данной теме. Такая причина близка к следующей — к нежеланию обсуждать тему вопроса, но отличается тем, что это нежелание вызвано отсутствием интереса к теме, по крайней мере, высказываемым респондентом.

Иногда неинформированность респондента по нескольким вопросам анкеты вызывает у него раздражение, которое накапливается по мере прохождения опроса и проявляется при ответе на подобный вопрос, становящийся для респондента последней каплей.

- *ОДНИ полагают, что необходимо провести новую мобилизацию, чтобы заменить мобилизованных осенью 2022 г. ВТОРЫЕ — что нужно оставить все как есть. ТРЕТЬИ — что нужно вернуть мобилизованных домой, не проводя новую мобилизацию. Какая точка зрения Вам ближе?*
- *Как руководство решит, так и будет. Я тут при чем?! Я-то откуда знаю, как правильно надо?!*
- *То есть затрудняетесь ответить, верно?*
- *Ну, типа этого, да. До свидания.*

Звонок прервался.

В данном случае респондента возмущает то, что его просят ответить на вопрос, который он считает явно не входящим в зону своей компетенции, полномочий и интересов.

Нежелание обсуждать тему опроса является маркером ее сенситивности и может возникать по различным причинам. Многие респонденты не желают обсуждать тему российско-украинского конфликта по нескольким причинам. Рассмотрим их на примере прерванных интервью. Для некоторых респондентов тема военных действий становится сенситивной из-за участия в них близких родственников.

- *Из каких источников Вы получаете информацию о военной операции России на территории Украины: знакомые, родственники, коллеги, телевидение, радио, газеты, YouTube-каналы, Телеграм-каналы, интернет-сайты, «ВКонтакте», «Одноклассники», другие социальные сети, мессенджеры, Rutube-каналы?*
- *Ну, во всех есть. У меня есть Телеграм-каналы, есть «ВКонтакте»...*
- *Скажите, пожалуйста, Вы меня не услышали. Мы не спрашиваем, что у Вас есть. У нас вопрос: из каких источников Вы получаете информацию о военной операции России на территории Украины?*
- *Еще раз Вам говорю: мне [ненормативное слово] на эту военную операцию. Еще раз говорю я. Вы почему мне сейчас? Я одно Вам говорю: мне не надо это. По новостям я не смотрю, а Вы спрашиваете у меня такое.*
- *Я зачитываю все вопросы.*

- *У меня два брата воюют там. Я по телефону разговариваю. У меня два брата там воюют. Все, всего доброго, до свидания.*

Звонок прервали.

В данном звонке можно увидеть явный пример избегания, которое связано с травмирующими событиями, коснувшимися респондента. Человек старается отстраниться от неприятной для него темы, поскольку ему комфортнее не обсуждать пугающие темы, ведь решить данную проблему он не может.

Или другой пример сходной ситуации.

- *Скажите, пожалуйста, Вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины? Затрудняется однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?*
- *Пусть этот хохол прекращает нам воевать, пусть заткнется и не это самое. Мои внуки пусть домой приходят, не нужная война нам.*
- *Ну, то есть Вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию?*
- *Я не поддерживаю.*
- *А как Вы относитесь к тем жителям России, которые поддерживают военную операцию?*
- *Девушка, ну, хватит уже вопросы задавать, я не хочу. До свидания.*

Звонок прервали.

В данном случае для респондента тема военного противостояния тоже болезненна из-за опасения за воюющих внуков, поэтому для него разговор об этом оказался неприемлемым.

Иногда респонденты прямо говорят о чувствительности для них затронутой темы и нежелании ее обсуждать. При этом имеется накопительный эффект: несколько сенситивных вопросов подряд могут привести к тому, что на одном из них в итоге терпение респондента заканчивается.

- *ОДНИ полагают, что необходимо провести новую мобилизацию, чтобы заменить мобилизованных осенью 2022 г. ВТОРЫЕ — что нужно оставить все как есть. ТРЕТЬИ — что нужно вернуть мобилизованных домой, не проводя новую мобилизацию. Какая точка зрения Вам ближе?*
- *Моя точка зрения такая, что мобилизация не нужна, потому что люди идут добровольно. Что-то у Вас вопросы какие-то каверзные, давайте прекратим, а то я начинаю нервничать. Спасибо, до свидания.*

После этого звонок прервали.

В данном случае можно говорить о том, что обсуждение темы военных действий и мобилизации вызывает у респондента подозрения и, возможно, опасения за конфиденциальность данных ответов и за собственную безопасность из-за высказанного мнения.

- *Вы получаете информацию о спецоперации только из российских источников, из других источников или и из российских, и из других источников? Какой ответ выбираете?*
- *Так, давайте сразу: если там вопросы про спецоперацию, то сразу пометайте «без ответа», потому что по телефону не комментирую и не обсуждаю. И Вам не советую тоже.*
- *Ну, здесь спрашивается: из российских или из тех и других.*
- *Ну, я ж уже ответил на вопрос, не хочу просто.*
- *Я Вам подсказываю, если Вы не можете ответить или не хотите: говорите сразу «затрудняюсь ответить». И все. Я поставлю, что Вы затрудняетесь.*
- *Так, давайте мы тогда опрос прервем.*
- *Вы затрудняетесь ответить на этот вопрос?*
- *Нет. Давайте мы опрос прервем. Я понял. Меня немного не устраивает, что Вы хотите узнать. Считайте, что наш разговор не состоялся. Всего доброго. До свидания.*

Звонок прервался.

Из диалога понятно, что респондент переживает о своей безопасности, поэтому не хочет обсуждать вопросы, которые касаются военного противостояния. Респондент понимает, что обсуждение с незнакомыми людьми острой темы военных действий может привести к проблемам в случае потери конфиденциальности его ответов, начиная от политических преследований и заканчивая конфликтами с окружением. Поэтому он предпочитает уклониться от обсуждения таких тем с незнакомыми людьми, не вызывающими у него доверия, к которым относятся организаторы опроса.

Вопрос про мобилизацию не только стал вторым по числу прерываний, но и собрал больше всего прерываний с артикулируемым респондентами подозрением относительно целей и задач опроса.

- *ОДНИ полагают, что необходимо провести новую мобилизацию, чтобы заменить мобилизованных осенью 2022 г. ВТОРЫЕ — что нужно оставить все как есть. ТРЕТЬИ — что нужно вернуть мобилизованных домой, не проводя новую мобилизацию. Какая точка зрения Вам ближе?*
- *А какая цель вот этого опроса?*
- *Ну, это для статистики. Составляют статистику, потом публикуют в средствах массовой информации все это.*
- *Ну, я больше не хочу отвечать на вопросы, такие странные достаточно.*
- *Там дальше будут вопросы про выборы, мы с Вами прошли большую часть.*
- *Я больше не буду отвечать на такие вопросы неоднозначные.*

Звонок прервался.

Таким образом, обсуждение военных действий и мобилизации вызывает тревогу у многих респондентов, побуждая их досрочно прекращать опрос.

Вопросы, касающиеся темы российско-украинского конфликта, у политически ангажированных респондентов вызывают подозрения относительно политической позиции организаторов опроса. Интерес к военной тематике они считают признаком принадлежности к противоборствующему политическому лагерю и выражают свои подозрения в утвердительной форме, тем самым получая для себя оправдание досрочного прекращения интервью.

- *Из каких источников Вы получаете информацию о военной операции России на территории Украины? Я зачитаю список: знакомые, родственники, коллеги, телевидение, радио, газеты, YouTube-каналы, Телеграм-каналы, интернет-сайты, «ВКонтакте», «Одноклассники», другие социальные сети, мессенджеры, Rutube-каналы?»*
- *От Сергея Конашенкова. От представителя нашего ведомства Конашенкова.*
- *Это что? Из того, что я перечислила, это что?*
- *Это все какая-то пропаганда. Мы смотрим непосредственно то, что нам показывают по телевизору. Конашенков — наш непосредственный представитель.*
- *Извините, пожалуйста, значит, Вы новости получаете по телевидению. Я Вас правильно поняла?*
- *Я понимаю, что Вы против Владимира Владимировича Путина звоните, настроить хотите или как?*
- *Я вообще не настраиваю ни на что.*
- *Я понимаю, про что диалог наш. Нравится ли Вам в стране? Все ли хорошо? Изменилось что? У нас замечательно в стране.*
- *Я таких вопросов даже не задавала, а Вы уже опережаете события.*
- *Да ладно, я все это знаю. Не надо задавать таких вопросов. Я слышу, о чем у нас речь идет. У нас замечательная страна, у нас все будет здорово.*

Звонок прервали.

С точки зрения радикальных сторонников действующей власти вопросы об экономической и политической ситуации в стране не подлежат обсуждению, поскольку являются общеизвестными фактами, а попытки выяснить отношение к ним вызывают у таких респондентов подозрение в том, что они говорят с политическими оппонентами, что для них неприемлемо.

У некоторых аполитичных респондентов усталость от военной тематики вызывает острое нежелание ее обсуждать.

- *Из каких источников Вы получаете информацию о военной операции России на территории Украины: знакомые, родственники, коллеги, телевидение, радио, газеты, YouTube-каналы, Телеграм-*

каналы, интернет-сайты, «ВКонтакте», «Одноклассники», другие социальные сети, мессенджеры, Rutube-каналы?»

- *Я не получаю. Я даже об этом слышать не хочу. Мне это уже за прошлый год и за позапрошлый уже так [нецензурное слово], извините. Я уже слышать об этом не хочу.*

Звонок прервали.

В данном случае подтверждается наш вывод из проведенного в начале военных действий исследования адаптации россиян к жизни в новых условиях: доминирующей стратегией адаптации стало избегание военной тематики [6]. Все, что возвращает людей к этой теме, угрожая тем самым успешности такой адаптационной стратегии, воспринимается довольно остро.

К **техническим неполадкам** относятся ситуации, когда во время интервью происходят сбои связи.

В число **других причин** попали ситуации, которые не подходят под категории, перечисленные выше. Например, один из звонков прервался из-за вмешательства третьего лица, высказавшего подозрительное отношение к организаторам опроса и вынудившего респондента прервать интервью.

- *Если выборы Президента России выиграет Владимир Путин, какие из перечисленных событий, на Ваш взгляд, произойдут в ближайший год? Восстановление отношений с западными странами?*
- *Да, хотелось бы, чтобы изменилось все в лучшую сторону, чтобы никаких вот этих вот разборок, заморочек не было и чтобы не переживать, что там дальше будет.*
- *Перемирие с Украиной?*
- [Голос третьего лица: «Тебя разводят».]
- *Вас не слышно.*
- [Голос третьего лица: «Я думала, тебе кто-то с учебы звонит. Сбрось».]

Звонок прервали.

В данном случае вмешательство в опрос третьего человека не позволило успешно завершить интервью.

Неустранимые причины прерывания интервью, связанные с темой исследования, отражают сенситивность военно-политической тематики для многих россиян. Организаторы опросов общественного мнения также не вызывают у таких респондентов доверия, в то время как вопросы, связанные с военными действиями, усиливают подозрительность респондентов, особенно это характерно для сторонников действующей власти и ее решения о начале военного противостояния. При этом если сторонники военного решения конфликта опасаются, что могут говорить с политическими оппонентами, то аполитичных респондентов пугают возможные проблемы от потери конфиденциальности их ответов.

Устранимые причины досрочного прерывания интервью

К устранимым причинам прерывания интервью респондентами отнесены такие, на которые исследователи могут повлиять без ущерба для достижения целей и задач опроса. Они связаны с недоработками исследовательской группы при создании инструментария исследования, организации и проведении опроса. В нашем случае к таким причинам отнесены следующие.

1. **Формулировка вопросов или количество вариантов ответа на них.** В телефонных опросах респондентам приходится воспринимать информацию на слух, держать в памяти формулировку вопроса и варианты, из которых необходимо выбрать ответ. Поэтому в телефонных опросах очень важно лаконично и понятными словами формулировать ответ. В противном случае респонденты могут не понять, неправильно понять или забыть то, о чем их спрашивают. Кроме того, сложные или длинные формулировки требуют дополнительных усилий при их восприятии, что может вызвать непонимание или раздражение респондента, его нежелание дальше отвечать на вопросы, которые ему трудно воспринимать. К этой группе отнесены все прерывания из-за непонимания формулировки вопроса, критического восприятия формы вопроса, требования пояснить его суть, переформулировать, сказать понятно. Кодировается по ответам «а по-русски можно?», «я не понимаю вопроса» и по ситуациям, когда прерыванию предшествуют такие ответы респондента, по которым видно, что он не понял или забыл, о чем его спрашивают.

2. **Длина анкеты.** При организации телефонных опросов следует понимать, что исследователи претендуют на время и усилия респондентов, фактически не давая им ничего взамен. Чем длиннее анкета, тем больше времени и сил придется потратить респонденту на ее прохождение. Соответственно, будет больше тех, кто не готов это делать и откажется от опроса или прервет его, когда надоест отвечать. Поэтому анкета должна быть как можно более краткой, какой возможно достичь целей и задач исследования. К прерываниям опроса из-за длины анкеты отнесены случаи, когда прекращению интервью предшествовали критика длины опроса и просьбы побыстрее его закончить: «очень длинная анкета», «я больше не хочу отвечать», «я уже устала», «очень долго» и т. п.

3. **Поведение интервьюера.** Ситуация телефонного опроса предполагает коммуникацию двух людей: интервьюера и респондента. Успешность интервью зависит от обоих. Если возможности влияния на респондента у исследователей ограничены, то подготовка интервьюеров очень важна при проведении опросов. Все интервьюеры перед каждым опросом проходят подробные инструктажи и в целом проходят обучение у специалистов исследовательских компаний. Однако, как верно отмечали Д.М. Рогозин и его коллеги, большая нагрузка на интервьюеров, их эмоциональное выгорание, отказы и не всегда адекватные ответы респондентов приводят к снижению качества проведения опросов [10; 11].

Иногда интервьюеры допускают некорректные реакции или высказывания в адрес респондента. Чаще всего это приводит к прерыванию опроса. Такие случаи некорректного поведения интервьюеров выделены в отдельную причину досрочных прекращений интервью.

4. В вариант «**другое**» попали те устранимые причины прерываний интервью, которые не попадали в основные три причины.

Из 538 прослушанных прерванных интервью по устранимым причинам завершилось 68 (13%), то есть значительно меньше, чем из-за неустранимых причин. Чаще всего к прерыванию приводила длина анкеты (37%), еще в 28% случаев — неприемлемые для респондентов формулировки вопросов (табл. 3). Настораживает значительная доля интервью, прекращенных из-за некорректного поведения интервьюеров (20%). По другим причинам прервались 15% анкет. Распределение устранимых причин прерываний по блокам показывает большое их количество в социально-демографическом блоке (11 случаев). Все они связаны с вопросом о доходах, изложенным в формулировке потребительских возможностей.

Таблица 3

Устранимые причины прерываний по блокам, количество ответов

Название блока	Причина прерывания интервью				Итого:
	формулировка вопросов	длина анкеты	поведение интервьюера	другое	
U (СВО)	7	8	7	5	27
N (источники новостей)	1	6	2	4	13
A (социально-демографические вопросы)	11	7	4		22
E (выборы)		1	1	1	3
M (экономика)		3			3
X (отношение к уклоняющимся)					0
S (насилие)					0
Итого	19 (28%)	25 (37%)	14 (20%)	10 (15%)	68 (100%)

Описание устранимых причин прерываний на примерах из прослушанных интервью

Формулировка вопросов или количество вариантов ответа на них как причина досрочного прекращения респондентами интервью предполагает критику респондентами длины, логики вопроса или употребленных в нем понятий.

- Скажите, пожалуйста, Вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины? Затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?
- Я не поняла вопроса.
- Скажите, пожалуйста, Вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины?
- А по-русски можно? В смысле, что?
- Вы поддерживаете военную операцию или нет?
- Чтобы Россия, ну, ликвидировала все это? Чтоб война закончилась наконец-то? Я правильно поняла?
- Смотрите: Вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины?
- Не знаю. Короче, я не поняла Ваш вопрос, что именно поддерживаю? Чтобы война закончилась? В общем, до свидания.

Звонок прервался.

В данном случае респондентка не поняла, о поддержке чего ее спрашивают: о начале военных действий или об их окончании. Кроме того, сложным ей показалось понятие «военная операция России на территории Украины».

Больше всего непонимания у респондентов вызвала формулировка вопроса о доходе, изложенная в форме градации потребительского статуса.

- *Какое из перечисленных описаний точнее всего соответствует материальному положению Вашей семьи: «Денег не хватает даже на питание»; «На питание денег хватает, но не хватает на покупку одежды и обуви»; «На покупку одежды и обуви денег хватает, но не хватает на покупку крупной бытовой техники»; «Денег вполне хватает на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить новую машину»; «Денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как квартира, дом»; «Материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы приобрести квартиру, дом». Какой вариант?*
- [Смеется.] *Какой вариант? Цены сейчас какие... Вот если бы цены стали падать, то вот это да. Тогда бы даже не надо было пенсию по копейкам добавлять. А Вам бы спасибо сказал.*
- *«Денег не хватает даже на питание»?*
- *Ну, смотрите. За квартиру заплати. Это считай как в ипотеку залез, сразу по 10 штук отдавай каждый месяц. А еще надо за газ, за свет. Ладно, хоть штаны проносить можно так, что хватит до гробовой доски. Вообще, ничего не купишь.*
- *«На питание денег хватает, но не хватает на покупку одежды и обуви»?*

- Нет, ну, как вот сказать, что на питание не хватает. А вот если я хочу купить красную рыбу, так я смотрю на нее, и у меня живот ломит от цены. Я никогда в жизни ее себе не куплю. Купил себе пачку масла, вот и радуюсь.
- Вот я Вам зачитала варианты — какой из них Вам больше подходит?
- Такой подходит, что денег не хватает на все.
- То есть «Денег не хватает даже на питание»? Этот вариант?
- Ну, хватает. Я же Вам все уже сказал.

Звонок прервали.

В данном случае проявляется основная проблема этого вопроса: несоответствие шкалы вариантов ответа реальным потребительским трудностям респондента. Каждый из вариантов ответа включает разные потребительские статусы. Так, вариант о наличии денег на питание может включать разные ценовые сегменты этого питания: на обычное питание респонденту хватает денег, а на деликатесы — нет. То же самое и с другими потребительскими категориями, поэтому респондент не может ответить, это его раздражает и приводит к прекращению интервью.

К причине «длина анкеты» отнесены такие ситуации, когда респондент дает понять, что он заинтересован в ответах на вопросы, однако анкета кажется ему слишком длинной, и отвечать ему надоело. Иногда это сопровождается критикой слишком длинных вопросов или вариантов ответа на них.

- Вы что-то слышали о следующих событиях в России и за рубежом, и если слышали, то важны они для Вас или не важны? Протесты родственниц и жен мобилизованных.
- Нет.
- Обстрелы Белгорода и других населенных пунктов со стороны Украины.
- Конечно, я сама живу в пограничном городе.
- Для Вас это важно или не важно?
- Важно, конечно.
- Протесты в Башкирии. Об этом что-то слышали или нет?
- Не слышала.
- Не слышали, угу. Конфликт в Израиле и Секторе Газа. Слышали?
- Да, конечно, слышала.
- Для Вас это важно или не важно?
- Ну, если это как-то повлияет на мировую систему, то, конечно, важно, а пока это очень далеко и нас не касается, то не важно.
- Какой вариант отметить?

- *В данный момент — нет.*
- *Следующий вопрос: проблемы с отоплением и водоснабжением в России. Об этом слышали?*
- *А что? У нас проблемы с отоплением и водоснабжением?*
- *Такое событие упоминается. Об этом Вы что-то слышали или нет?*
- *Не слышала. А скажите, пожалуйста, у Вас еще много вопросов?*
- *В среднем анкета занимает минут 15.*
- *Какая-то очень длинная анкета. Я больше не хочу отвечать, очень долго. Извините. До свидания.*

Звонок прервался.

В данном случае терпение респондентки закончилось при ответе на длинный табличный вопрос об актуальности для нее российских и мировых событий. Слишком длинный вопрос вызвал претензии респондентки и к длине анкеты в целом, что побудило ее прервать опрос.

Причина прерываний опроса в связи с **поведением интервьюера** объединила ситуации, когда интервьюер некорректно реагировал на слова респондента, что вызывало у последнего нежелание продолжать диалог в таком формате.

- *Одни полагают, что можно вернуть Украине присоединенные территории в обмен на предоставление России гарантий безопасности. Другие считают, что их возвращать нельзя. Какая точка зрения Вам ближе?*
- *Ну, я не знаю, я не политик и в политику не лезу, поэтому не могу ответить*
- *Да ну, это не политика! Это наши люди российские! Как Вы можете не интересоваться этим?*
- *Зачем Вы таким тоном разговариваете?*
- *До свидания!*

Интервьюер сам прекратил опрос.

Интервьюер начал открыто критиковать неинформированность респондента, что вызвало у последнего возмущение. Это привело к радикальной поломке коммуникации и вынудило интервьюера прекратить опрос.

К **другим устранимым причинам** относятся ситуации, которые не попадают ни в одну из описанных выше категорий. Например, случаи прерывания интервью, в которых несколько вопросов подряд оказались сенситивными для респондента, что побудило его прекратить опрос.

- *ОДНИ полагают, что необходимо провести новую мобилизацию, чтобы заменить мобилизованных осенью 2022 г. ВТОРЫЕ — что нужно оставить все как есть. ТРЕТЬИ — что нужно вернуть*

мобилизованных домой, не проводя новую мобилизацию. Какая точка зрения Вам ближе?

- *Вы знаете, наверное, я бы хотела, чтобы все вернулись домой. Как вообще можно хотеть оставить все как есть? Это заставляет меня переживать за наших людей.*
- *А как Вы считаете, за последний месяц ситуация в зоне военной операции изменилась в пользу России, в пользу Украины или ситуация за последний месяц не изменилась?*
- *Девушка, у Вас все вопросы какие-то нервные. Этой СВО и так хватает. Давайте обсудим что-то другое.*
- *Поняла Вас. Тогда на этом наше интервью окончено. Спасибо Вам. Хорошего дня, до свидания.*

Интервьюер сам прекратил опрос.

В данном случае каждый из вопросов на военно-политическую тематику сам по себе не стал непреодолимым препятствием для продолжения интервью, но слишком большое их число подряд вызвало у респондентки негативную реакцию. Это побудило ее отказаться отвечать на такие вопросы, и интервьюер был вынужден завершить опрос.

Проанализировав звонки, прерванные по устранимым причинам, можно сказать, что дробление анкеты на несколько исследований или сокращение количества вопросов в ней позволит улучшить качество исследования и увеличить количество завершенных интервью. Также важно обратить внимание на формулировки некоторых вопросов в анкете, особенно вопроса про доход респондента. Также важна дальнейшая работа с интервьюерами и помощь им в ситуациях эмоционального выгорания.

Выводы

Существуют три основных источника проблем, из-за которых не всегда получается успешно завершить интервью: 1) участники коммуникации (интервьюеры и респонденты); 2) тема исследования и 3) каналы связи. Согласно результатам исследования, чаще всего проблемы вызваны каналом связи: самой распространенной причиной досрочного прерывания интервью являются технические неполадки (245 прерванных интервью, или 46%). Сенситивность военно-политической темы опроса занимает второе место в списке причин прерываний (138 прерванных интервью, 26%). Проблемы, связанные с трудностями коммуникации участников опроса, стали третьими по распространенности. (83 прерванных интервью (15%), из них 14 связаны с некорректным поведением интервьюера).

Рассмотрим основные причины, из-за которых военно-политическая тематика является для россиян сенситивной.

Участие в военных действиях близких родственников или друзей побуждает респондентов опасаться за их жизнь и здоровье. Для них тематика военного противостояния — это часть их личных болезненных

переживаний, военно-политическое событие стало для них событием их судьбы, зачастую трагическим и травмирующим [7]. Звонок же незнакомого человека с напоминанием о тревожной теме заставляет переживать еще сильнее и часто возвращает к вытесненным травматическим размышлениям, что делает очень трудным обсуждение военных действий для таких респондентов.

Невозможность влиять на политические решения в сочетании с распространенностью конфликтов с окружением из-за мнений о военном противостоянии побуждает многих россиян отстраняться от его обсуждения и пытаться сохранить жизненный уклад таким, как если бы не было военных действий [8]. Звонок интервьюера становится лишним напоминанием о столь старательно избегаемой теме, поэтому обсуждать ее многие не готовы. Кроме того, у аполитичных респондентов накопилась усталость от темы российско-украинского конфликта, резко и надолго заполнившей информационное пространство. Они не готовы к той политизации, какой от них так или иначе требует вовлечение в данную тематику⁴.

Особо чувствительной является тема мобилизации. Размышлять о перспективах для себя или близких попасть на фронт в принудительном порядке многим неприятно, а у некоторых связанные с мобилизацией вопросы вызывают опасения за собственную безопасность. Поэтому респонденты стараются избегать обсуждения с незнакомым человеком столь тревожной для них и вызывающей опасения и подозрения темы.

Среди респондентов распространено подозрительное отношение к организаторам опроса. Причем сторонники действующего политического курса России выражают подозрение чаще его противников. Сторонники Путина и военного решения конфликта считают интерес исследователей к военной тематике признаком их принадлежности к противоборствующему политическому лагерю и артикулируют свои подозрения в утвердительной форме, получая тем самым оправдание для досрочного прекращения интервью. С точки зрения радикальных сторонников действующей власти, вопросы об экономической и политической ситуации в стране не подлежат обсуждению, поскольку являются общеизвестными фактами, а попытки выяснить отношение к ним вызывают у таких респондентов подозрение в том, что они говорят с политическими оппонентами, что для них неприемлемо.

Соотношение устранимых и неустранимых причин в прослушанной выборке составило 68 : 470, или 13% : 87%, то есть потенциал для сокращения числа прерываний недостаточно велик.

⁴ См. отчет Лаборатории публичной социологии: «Надо как-то жить». Этнография российских регионов во время войны. На материалах осени 2023 г. Аналитический отчет / Под ред. С. Ерпылевой, А. Каппинен. — URL: <https://www.publicsociologylab.com/report3> (дата обращения 20.07.2024).

Стоит также отметить влияние длины вопросов и анкеты в целом на количество прерываний интервью: чем длиннее анкета и ее вопросы, тем больше случается прерываний. Исходя из этого, лаконичность формулировок вопросов (сокращение их длины, избегание табличных вопросов в телефонных опросах, уменьшение числа вариантов в номинальных шкалах), сокращение длины анкеты до 10 мин и работа с эмоциональным выгоранием интервьюеров позволят сократить число прерываемых интервью. Кроме того, вопрос о доходе в форме градации потребительских возможностей респондента слишком абстрактен и чаще всего вызывает непонимание у респондентов. Поэтому от него следует отказаться, заменив либо шкалой в денежном выражении дохода на каждого члена семьи респондента, либо шкалой оценок респондентом своего материального положения, которую использует ВЦИОМ (очень хорошее, скорее хорошее, среднее, скорее плохое, очень плохое).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Звоновский Владимир Борисович — доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет. **Телефон:** +7 (846) 229-67-33. **Электронная почта:** zvb@socio-fond.com

Ходыкин Александр Владимирович — кандидат социологических наук, социолог, Фонд социальных исследований. **Телефон:** +7 (961) 380-43-26. **Электронная почта:** a.khodykin@socio-fond.com

Раскевич Александра Владимировна — студентка, кафедра социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет. **Телефон:** +7 (987) 963-97-12. **Электронная почта:** raskevichav@gmail.com

Research Article

***VLADIMIR B. ZVONOVSKY¹, ALEXANDER V. KHODYKIN²,
ALEXANDRA V. RASKEVICH¹***

¹ Samara State University of Economics.

141, Sovetskoi Armii Str., 443090, Samara, Russian Federation.

² Social Research Institute.

70, Krasnoarmeiskaya Str., 443041, Samara, Russian Federation.

**REASONS FOR PREMATURELY TERMINATING AN INTERVIEW BY RESPONDENTS
IN NATIONAL POLLS REGARDING THE RUSSIAN-UKRAINIAN CONFLICT**

Abstract. Interrupted interviews reduce respondents' cooperation and can lead to systematic sample shifts, which calls into question the representativeness of the survey data obtained. Sensitive survey topics, such as the discussion of the Russian-Ukrainian conflict, may on more occasions encourage respondents to stop discussing them. Therefore it is especially important to investigate the matter of interrupted interviews in such surveys. The purpose of this article is to identify and describe the reasons for interview interruptions in surveys about military operations in Ukraine. Research methods: content analysis of audio recordings of interviews with respondents and traditional qualitative analysis of documents, namely audio recordings

of interviews with respondents who stopped the survey prematurely. Quantitative research (content analysis) allows you to measure the prevalence of reasons for respondents walking out of interviews, and qualitative analysis of audio recordings of interviews provides material to describe the narratives behind these reasons for walking away from a survey. Selection consists of two stages. At the first stage the sample is random, stratified by federal districts. It represents the Russian population by gender, age and federal districts of residence of the respondents. During the first stage, the sample consisted of 2507 interviews, including 888 interviews that were shut down. At the second stage, the sample is solid, formed by the method of the main array: 538 out of 888 interrupted interviews were listened to. Here are the main findings of the study. The reasons for shutting down an interview are divided into avoidable and unavoidable. Each of these groups of causes is classified into specific types of causes of interruptions. The ratio of avoidable and unavoidable causes in the listened to sample of recordings was 68 to 470 or 13% to 87%, that is, the potential to reduce the number of interruptions is quite small. It is worth noting how the length of the questions and the questionnaire as a whole influenced the number of interview interruptions: the longer the questionnaire and its questions, the more interruptions occurred. Therefore, conciseness when it comes to wording questions (reducing their length, avoiding tabular questions in telephone surveys, reducing the number of options in nominal scales), reducing the length of the questionnaire to 10 minutes and working with the emotional burnout of interviewers will reduce the number of shut down interviews. The sensitivity of military-political topics also increases the number of interruptions, but it is not yet possible to find a decent solution to this problem. All that researchers can do so far is minimize the number of military-political questions in the questionnaire, formulate them in the most comfortable way for respondents (hypothetically, with the possibility of refusal to answer, etc.) and “dilute” the questionnaire with less sensitive topics.

Keywords: Special Military Operation; Russian-Ukrainian Conflict; Interrupted Interviews; Telephone Surveys; Cooperation of Respondents.

For citation: Zvonovsky, V.B., Khodykin, A.V., Raskevich, A.V. Reasons for Prematurely Terminating an Interview by Respondents in National Polls Regarding the Russian-Ukrainian Conflict. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 3. P. 31–60. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.2

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir B. Zvonovsky — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics.
Phone: +7 (846) 229-67-33. **Email:** zvb@socio-fond.com

Alexander V. Khodykin — Candidate of Sociological Sciences, Sociologist, Social Research Institute. **Phone:** +7 (961) 380-43-26. **Email:** a.khodykin@socio-fond.com

Alexandra V. Raskevich — Student, Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics. **Phone:** +7 (987) 963-97-12.
Email: raskevichav@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. А вы точно социологи? Нетолерантные истории о становлении социологии в регионах России / Под ред. А.Л. Романович; Ассоциация исследовательских компаний «Группа 789». М.: Перо, 2022. — 332 с.
A vy tochno sotsiologi? Netolerantnye istorii o stanovlenii sotsiologii v regionakh Rossii. [Are You Really Sociologists? Intolerant Stories About the Formation of Sociology in the Regions of Russia.] Ed. by A.L. Romanovich; Assotsiatsiya issledovatel'skikh kompanii “Gruppa 789”. Moscow: Pero publ., 2022. 332 p. (In Russ.)

2. *Вьюговская Е.В., Rogozin Д.М., Сапонов Д.И.* Каскадный анализ прерванных интервью в автоматизированном телефонном опросе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3. С. 3–25. DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.01 EDN: SIGFOX
V'yugovskaya E.V., Rogozin D.M., Saponov D.I. Cascade Analysis for Breakoffs in a Computer-Assisted Telephone Interview. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2014. No. 3. P. 3–25. DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.01 (In Russ.)
3. *Галкин Т.А., Протасенко Т.З.* Стратегии (не)доверия к социологическим исследованиям и опросам общественного мнения в период глобальных трансформаций // Власть. 2024. № 3. С. 195–204. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-3-195-204 EDN: LBMLTZ
Galkin T.A., Protasenko T.Z. Strategies for (Not) Trust in Sociological Research and Opinion Polls in a Period of Global Transformation. *Vlast'*. 2024. No. 3. P. 195–204. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-3-195-204 (In Russ.)
4. *Задорин И.В.* Кризис доверия к российской социологии как политическая проблема. Выступление на семинаре «Полития», 26.04.2012 // Сайт исследовательской группы «Циркон», 2012 [электронный ресурс]. Дата обращения 11.06.2024. URL: <https://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-sotsiologii-professionalnoe-soobshchestvo/krizis-doveriya-k-rossiyskoy-sotsiologii-kak-politicheskaya-problema/>
Zadorin I.V. The Crisis of Trust in Russian Sociology as a Political Problem. Presentation at the Seminar “Politics”, 26.04.2012. *Sait issledovatel'skoi gruppy "Tsirkon"*. [Website of the Zircon Research Group.] 2012. Accessed 11.06.2024. URL: <https://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-sotsiologii-professionalnoe-soobshchestvo/krizis-doveriya-k-rossiyskoy-sotsiologii-kak-politicheskaya-problema/> (In Russ.)
5. *Звоновский В.Б., Ходыкин А.В.* Российское общественное мнение в условиях военного конфликта 2022–2023. Chişinău: Historical Expertise, 2024. — 338 с.
Zvonovskii V.B., Khodykin A.V. *Rossiiskoe obshchestvennoe mnenie v usloviyakh voennogo konflikta 2022–2023*. [Russian Public Opinion in the Context of the Military Conflict 2022–2023.] Chisinau: Historical Expertise publ., 2024. 338 p. (In Russ.)
6. *Звоновский В.Б., Ходыкин А.В.* Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области) // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 8–35. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.1 EDN: DJLKYS
Zvonovsky V.V., Khodykin A.V. Adaptation Strategies of Opponents and Supporters of the Special Military Operation to the Current Situation (Based on Residents of Samara Region). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 8–35. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.1 (In Russ.)
7. *Звоновский В.Б., Ходыкин А.В.* Государственное событие и личные трагедии: становится ли спецоперация коллективной травмой для россиян? // Социодиггер. 2023. Январь – февраль. Т. 4. Вып. 1–2 (24). С. 38–48.
Zvonovsky V.V., Khodykin A.V. State Event and Personal Tragedies: Is the Special Operation Becoming a Collective Trauma for Russians? *Sotsiodigger*. 2023. January – february. Vol. 4. Iss. 1–2 (24). P. 38–48. (In Russ.)

8. *Звоновский В.Б., Ходыкин А.В.* Восприятие россиянами конфликта с Украиной: проверка гипотезы «спирали молчания» // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 38–50. DOI: 10.31857/S013216250028531-7 EDN: CAGJIQ
Zvonovskii V.B., Khodykin A.V. Russians' Perception of the Conflict with Ukraine: Testing the "Spiral of Silence" Hypothesis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 11. P. 38–50. DOI: 10.31857/S013216250028531-7 (In Russ.)
9. *Мануильская К.М.* Инструменты для повышения эффективности автоматизированного телефонного опроса: на основе анализа прерванных интервью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 6 (124). С. 28–41. DOI: 10.14515/monitoring.2014.6.03 EDN: TLOKCX
Manuil'skaya K.M. Tools to Increase the Effectiveness of the Computer-Based Telephone Survey (Based on the Interview Break-Offs Analysis). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2014. No. 6 (124). P. 28–41. DOI: 10.14515/monitoring.2014.6.03 (In Russ.)
10. *Рогозин Д.М.* В тени опросов, или Будни интервьюера. М.: Страна ОЗ, 2017. — 192 с.
Rogozin D.M. *V teni oprosov, ili Budni interv'yuera*. [In the Shadow of Polls, Or the Everyday Life of an Interviewer.] Moscow: Strana OZ publ., 2017. 192 p. (In Russ.)
11. *Рогозин Д.М., Ипатов А.А., Галиева Н.И.* Стандартизированное (телефонное) интервью. М.: Пункт, 2018. — 416 с. EDN: RNWHJD
Rogozin D.M., Ipatova A.A., Galieva N.I. *Standartizirovannoe (telefonnoe) interv'yu*. [Standardized (Telephone) Interview.] 2018. Moscow: Punkt publ., 2018. 416 p. (In Russ.)
12. *Турчик А.В.* Конверсационный анализ институционального взаимодействия: коммуникативные стратегии участников «прерванного» телефонного интервью // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 122–154. EDN: RYRFEH
Turchik A.V. Conversational Analysis of Institutional Interaction: Communicative Strategies of Participants in an "Interrupted" Telephone Interview. *Sotsiologiya vlasti*. 2013. No. 1–2. P. 122–154. (In Russ.)
13. *Юдин Г.Б.** Общественное мнение, или Власть цифр. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — 174 с. EDN: UQVIZA
Yudin G.B. *Obshchestvennoe mnenie, ili Vlast' tsifr*. [Public Opinion, or the Power of Numbers.] St Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge publ., 2020. 174 p. (In Russ.)
14. *Groves R.M., Lyberg L.E.* An Overview on Nonresponse Issues in Telephone Surveys. *Telephone Survey Methodology*. N.Y.: John Wiley & Sons, 2001. P. 191–211.

Статья поступила в редакцию: 07.07.2024; поступила после рецензирования и доработки: 21.07.2024; принята к публикации: 24.07.2024.

Received: 07.07.2024; revised after review: 21.07.2024; accepted for publication: 24.07.2024.

* Признан иностранным агентом по решению Минюста РФ.